научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 008:316.42

ЧЕЛОВЕК: БЫТИЕ МЕЖДУ ПРИРОДОЙ И КУЛЬТУРОЙ

ВОЛКОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор философских наук,
заведующий кафедрой философии и культурологии,
Петрозаводский государственный университет,
институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
philos@petrsu.ru

Ключевые слова:
человек
природа
культура
гены
развитие
эволюция

Аннотация:
Статья посвящена осмыслению вопросов специфики человеческого бытия. Привлекая материал из области генетики, кросс-культурных исследований, автор показывает, что становление и развитие человека проходит под знаком как генетических, так и социокультурных факторов. Автор считает, что трактовка человеческого бытия, учитывающая взаимовлияние и взаимодополнительность генетического и культурного начал в человеке, оправдана не только теоретически, но и практически, ибо отвечает потребности гармонизации отношения человека и окружающего его мира.

© 2021 Петрозаводский государственный университет

Получена: 24 сентября 2021 года Опубликована: 25 октября 2021 года

Введение

Одним из самых древних и загадочных предметов, на который был и, по-видимому, всегда будет направлен познавательный интерес человека, является сам человек. Данное обстоятельство объясняется простой, но очень важной причиной. Делая предметом познания себя самого, человек собственно и пробуждает то специфически человеческое, что в нем присутствует – самосознание. Вот и сегодня продумывание специфики человеческого бытия оказывается весьма актуальной темой. Особую остроту данной теме придает интенсивное развитие нейробиологии, психобиологии, нейрофизиологии, с одной стороны, а с другой – когнитивной науки, объединяющей нейрокибернетику, вычислительную биологию, лингвистику. При этом одним из главных представлений, получивших распространение в рамках этого обширного междисциплинарного комплекса, является представление, согласно которому человеческое сознание, мозг следует мыслить как биологическое устройство по переработке информации [12]. Сам факт, что человеческое сознание перерабатывает когнитивную информацию аналогично компьютеру, предполагает, что процессы переработки в нем происходят не бесконтрольно, но управляются некими программами, и роль этих программ выполняют гены. Компьютерная метафора создает благоприятную почву для генетического детерминизма. Не отрицая определенных успехов и достижений когнитивных исследований, хотелось бы, однако, спросить: насколько оправдан этот генетический детерминизм? Каковы сегодня основания мыслить понятия «природа» и «культура» применительно к специфике человеческого бытия не как взаимоисключающие, а взаимодополнительные? Ниже мы постараемся ответить на эти вопросы. Целью нашей работы будет анализ современных воззрений на геннокультурную природу человека.

Основная часть

Пожалуй, первое, что требует к себе внимания в контексте вышеозначенных вопросов – это те фундаментальные предпосылки, которые составляют основу многих современных когнитивных воззрений на природу и развитие человека. Не претендуя на полноту перечня данных предпосылок, выделим следующие:

- · В качестве единиц наследственности, гены являются единственно наследуемыми структурами.
- · Гены выступают носителями всей «информации», необходимой для развития организма.
- · Распространяемое по каналам обратной связи влияние окружающего мира на гены малозначительно и несущественно.
- · Несмотря на то, что носители генов – организм и окружающая среда – взаимодействуют друг с другом, они, тем не менее, представляют собой две отдельные сферы и вполне возможно отделить (и измерить) каузальное влияние, идущее от генов и от окружающей среды.

Следует заметить, что, как и любые предпосылки, все вышеперечисленные положения представляют некоторое упрощение и даже огрубление реальной ситуации. Начать с того, что связь между генами и «чертами характера», когнитивными процессами носит непрямой, опосредованный характер. Человеческий мозг состоит из триллионов нервных клеток, объединенных в различные структуры. Кроме того, существуют сотни нейрохимических веществ, которые участвуют в передаче нервных импульсов между этими клетками. При этом нейроны и нейрохимические вещества состоят из белка, который собственно и является единственным продуктом генов. Источником, свидетельствующим о глубокой связи между генами, производимыми ими белками и когнитивными процессами, служат эмпирические данные, посвященные различного рода когнитивным расстройствам. Среди последних первостепенное значение имеют примеры так называемых синдромных умственных отсталостей, в частности синдромы Уильямса, Тернера. Так, носители синдрома Уильямса, помимо характерных физических проявлений (изменения черт лица, скелетные аномалии и т. д.), имеют низкий IQ и испытывают серьезные затруднения, связанные с восприятием пространственных отношений. В то же время они, как правило, демонстрируют сохранность языковых (синтаксических, лексических) способностей и достаточно высокий уровень развития социальных навыков, что иногда склоняет оценивать данный синдром как своего рода зеркальную противоположность аутизма. Основная причина синдрома Уильямса связана с нарушениями в хромосомном наборе, в частности в делеции части хромосомы 7q. По некоторым оценкам, данная делеция приводит к нехватке 17-ти генов. Среди отсутствующих – ген LIMK1, обеспечивающий производство нужного для способности пространственного восприятия белка (LIM-киназы) [10]. Не умножая число подобных примеров, отметим еще раз, что, во-первых, единственным продуктом генов является белок, а не какая-либо черта характера или когнитивная способность, а во-вторых, как показывают исследования, обнаружение генетических мутаций, дающих начало тому или иному синдрому умственной отсталости, не обеспечивает автоматически понимания того, как именно данные мутации вызывают когнитивные нарушения. Последний вопрос, как правило, составляет предмет для интерпретаций, что в очередной раз подчеркивает косвенный, опосредованный характер связи между мутациями и фенотипом [9].

Далее, часто в подтверждение мысли о зависимости человеческого мышления и психики в целом от генетических факторов приводят многочисленные исследования, проводившиеся среди близнецов. Как известно, с точки зрения генетики существует два типа близнецов – монозиготные (МЗ) и дизиготные (ДЗ). Монозиготные близнецы имеют 100 %, а дизиготные 50 % общих генов. Отмечается, что даже врозь воспитанные МЗ-близнецы имеют более высокое в среднем сходство по интеллекту, чем ДЗ-близнецы, выросшие вместе. Кроме того, сходство мозговых структур индивидов тоже зависит от генетического сродства. В отличие от ДЗ-близнецов, МЗ-близнецы имеют примерно одно и то же количество нейронов в лобных долях головного мозга, тесно связанных с интеллектом [11; 20]. Не оспаривая приведенных данных, заметим, однако, что все они требуют одного обязательного уточнения. Дело в том, что сложные фенотипические проявления, к коим как раз и относятся когнитивные способности, выступают, как правило, результатом не одного, а множества генов. Например, ген IGF2R – один из немногих, для полиморфных аллелей которого показана корреляция с IQ. Данная корреляция, однако, объясняет только 2 % общей дисперсии по IQ, что дает основания предполагать участие и других генов, ответственных за развитие интеллекта [7]. Здесь, кстати, мы и подходим к весьма важной мысли о том, что сами гены никогда не функционируют изолированно, но всегда в контексте определенных факторов. Речь идет о разнообразных физических, химических, биологических факторах, принимающих активное участие как в пренатальном, так и постнатальном

развитии. Среди них, например: внутриклеточные структуры (митохондрии, мембраны, цитоплазма), их химические градиенты, гормоны, ферменты и т. д. Для уяснения контекстно-зависимой деятельности генов полезна следующая аналогия: рассчитывать на положительный эффект, успех от унаследованного финансового состояния можно только, располагая соответствующими условиями и средствами его поддержания и использования (например, уровнем образования, социальными связями, репутацией и т. д.). В этой связи, когда утверждают, что гены – это единственно наследуемые структуры, которые содержат все, что необходимо для детерминации всех свойств живого организма, то тем самым отделяют одни компоненты организма от их взаимодействий с другими компонентами. В действительности, однако, существует немало примеров, когда для объяснения наличия или отсутствия некоего качества или способности у человека требуется системное видение – понимание, что данное качество или способность определяется сетью взаимодействий многих, а не отдельных компонентов.

Подобного рода системный или интеракционистский подход лежит сегодня в основе эпигенетики – науки, изучающей такие наследственные изменения в экспрессии генов, которые не могут быть объяснены через последовательность ДНК. Пожалуй, одним из самых ярких примеров, подтверждающих сказанное, является так называемая «реакция ДНК-метилирования». Данная реакция представляет собой присоединение метильных групп к цитозиновым основаниям молекулы ДНК, при этом сама последовательность ДНК не меняется. Как показывают тщательные исследования, метилирование осуществляет функцию контроля экспрессии генов. В данном случае уместно вспомнить знаменитые эксперименты Р. Джиртла и Р. Уотерленда. Подопытные объекты этих исследователей – мыши – были носителями так называемого гена «агути». Экспрессия этого гена обычно сказывается на окраске животных (цвет шерсти мыши становится желтым), а также делает их предрасположенными к ожирению, диабету и раку. После того как самкам подопытных грызунов была «прописана» метиловая диета (особенно в период беременности), они стали давать нормальное потомство с коричневым окрасом и без склонности к ожирению, диабету и т. д. Таким образом, метиловая группа подавила активность гена «агути» [15].

Важно отметить, что исследования, проводимые в русле эпигенетики, касаются не только животных, но и человека. В одном из таких исследований было, например, замечено, что из 80 пар монозиготных близнецов одна треть демонстрирует различия на уровне ДНК-метелирования. При этом данная разница проявляется прежде всего у тех близнецов, которые в течение своей жизнедеятельности мало времени проводили вместе, то есть росли и развивались в разных социокультурных средах [21]. В очередной раз можно констатировать, что контекст, в котором функционируют гены, а в данном случае этим контекстом является взаимодействие химического и социокультурного компонентов, может оказывать воздействие на экспрессию генов, ничего не меняя в самой последовательности нуклеотидов ДНК.

Наконец, обратим внимание на еще одно обстоятельство, уточняющее «геноцентрическую» перспективу. Согласно синтетической теории эволюции статистическая вероятность выживания и оставления жизнеспособных потомков для одних представителей популяции выше, чем для других представителей данной популяции. Эта разница объясняется тем, что одни члены популяции содержат наборы генов, которые в большей степени адаптируют их конкретным условиям окружающей среды. Между тем само формирование подобных генотипов возможно лишь в том случае, если окружающая среда в ряде своих аспектов остается постоянной, неизменной на протяжении ряда поколений. Проблема, однако, заключается в том, что окружающая среда высокоразвитых организмов постоянно меняется, как под воздействием естественных сил, факторов, так и в результате воздействия самих организмов на среду. Данное обстоятельство особенно актуально для человека – существа, живущего не только в природе, но и культуре, и участвующего в разветвленной сети социальных кооперации. Выходом из сложившейся ситуации является способность живого существа корректировать собственный генотип – активировать и подавлять гены, «улучшать» их перед лицом вызовов окружающей среды. И действительно, сегодня наряду с так называемыми «структурными генами», обеспечивающими рост и дифференциацию клеток, выделяют также «гены-регуляторы», функция которых в том, чтобы активировать и блокировать работу структурных генов. Гены-регуляторы, занимающие, кстати, большую часть ДНК человека, активны только в тех случаях, когда их экспрессия оказывается необходимой, и прежде всего при столкновении организма с ситуациями, требующими обучения новому навыку, например, новой мыслительной стратегии [2: 110-113]. Благодаря участию в синтезе белков гены-регуляторы вносят коррективы в репертуар работы нейронов, обеспечивая тем самым материальные условия для возникновения новых способов переработки информации.

Итак, как явствует из сказанного, говорить о генетическом детерминизме не приходится. Данное

обстоятельство станет еще более очевидным, если обратить внимание на попытки и устремления описывать социокультурные процессы с привлечением терминов и механизмов, хорошо известных биологии. То, что возникновение и развитие элементов культуры можно описывать и исследовать с помощью категориального и методологического аппарата биологических наук, представляет собой одну их главных идей эволюционной эпистемологии и биологии. Одним из последних шагов в этом направлении является теория Р. Докинза. Английский исследователь полагает, что помимо генов, которые выступают репликаторами биологической информации, можно говорить и о так называемых «мемах» – репликаторах культурной информации.

С точки зрения Р. Докинза, размышляя о генах, далеко не всегда обязательно связывать их существование и распространение с неким полезным для их носителей эффектом, в частности с повышением приспособленности организма к среде обитания. Так еще в начале 60-х годов XX века цитогенетиками было обращено внимание на ту часть генетического материала, которая не кодирует белки. Ее стали называть по-разному – сателлитная, «эгоистическая», «сорная» или «бросовая» ДНК и т. п. По аналогии с генами в культуре имеют место мемы – явления, существование которых не связано с каким-либо полезным эффектом для индивида. Примерами мемов могут послужить мелодии, идеи, расхожие выражения, фасоны одежды, способы производства посуды или постройки куполов. При этом подобно тому, как индивидуальный ген всегда существует в окружении других генов и зависит в своем функционировании от них, так же и функционирование конкретного мема тоже зависит от других мемов, составляющих для него окружение. Получит ли распространение некая идея в культуре определяется в конечном итоге конкретным состоянием и динамикой уже существующего в данной культуре комплекса идей и верований.

Как видим, суждения Р. Докинза не лишены основания, однако в ряде существенных пунктов проводимые им аналогии имеют и серьезные ограничения. Как известно, материальным носителем генов являются молекулы ДНК. Что, спрашивается, является носителем мемов? По-видимому – мозг человека, ведь именно там хранится и обрабатывается культурная информация. Трудность, связанная с подобного рода ответом, заключается в том, что человеческий мозг скорее всего использует принцип параллельной и распределенной обработки информации, а это значит, что культурная информация (и, соответственно, мемы) – это эмерджентные свойства мозга в целом, а не свойства его отдельных элементов. Заметим, что в этом случае возможность научном образом верифицировать существование мемов наталкивается на препятствия. Это, похоже, осознает и сам Р. Докинз. В его книге «Расширенный фенотип» читаем: «Если мозг хранит информацию в виде расположения синапсов, то мем теоретически можно увидеть под микроскопом как четко организованную синаптическую структуру. Если же информация в мозге “рассредоточена” (Pribram, 1974), то мем уже не разместить на предметном стекле...» [1: 192].

Далее, даже если не отказывать мемам в статусе материального существования и не взирать на трудности их объективного наблюдения, приходиться, тем не менее, отметить существенные различия между генами и мемами применительно к одному из базовых их свойств – способности эволюционировать. Если генетические мутации, как правило, случайны, то культурная эволюция – это значительно менее случайный процесс. Многие культурные нововведения представляют собой результат намеренных человеческих усилий и творчества. Кроме того, процесс эволюции идей значительно отличается от процессов биологической эволюции тем, что в первом порой действуют механизмы невозможные или редко встречаемые на биологическом материале. Например, перенос генетической информации между различными видами встречается крайне редко, а обмен мемами (например, идеями) между различными науками и другими областями культуры – явление вполне распространенное. Принимая во внимание сказанное, нет оснований абсолютизировать биологические аналогии в области культурных явлений. Стоит прислушаться к мнению и самого основателя теории мемов о том, что аналогия между генами и мемами «ценна главным образом не тем, что поможет нам понять человеческую культуру, а тем, что отточит наши представления о генетическом естественном отборе» [1: 197].

Далее следует заметить, что для того, чтобы убедиться в необходимости комплементарного применения понятий «природа» и «культура» к человеческому бытию, необходимо рассматривать последнее не в статике, а в динамике, а это, в свою очередь, невозможно без обращения к филогенетическим, онтогенетическим аспектам развития человека. Данное обстоятельство заслуживает, на наш взгляд, того, чтобы на нем остановиться отдельно.

В последнее время многие психологи, антропологи, лингвисты подчеркивают существование так называемых «культурных универсалий» – когнитивных, поведенческих репертуаров и форм, которые

существуют у самых различных народов [6; 16]. Одной из таких универсалий является способность человека к самовосприятию и восприятию других людей в качестве носителей сознания. Данная способность появляется в первые месяцы жизни человека, независимо от его культурной принадлежности. С чем связан универсальный характер способности к самовосприятию, которую иногда трактуют как одну из «врожденных» диспозиций человеческого сознания? По-видимому, одна из главных причин носит общебиологический характер. Речь идет о том, что выработка и участие механизмов самовосприятия в работе когнитивной системы оказалось исключительно важным адаптивным приспособлением, обеспечивающим выживание. Действительно, ведь существо, которое не просто воспринимает информацию о внешнем мире, но соотносит ее с информацией о самом себе, например, со знанием о положении своего тела в пространстве, с информацией о внутренних состояниях организма, увеличивает эффективность управления собственным поведением и вследствие этого обладает важным инструментом контроля окружающей среды. Далеко не случайно, что способность к самовосприятию достигает качественно нового когнитивного уровня – уровня перцептивного самосознания у генетически близких к человеку шимпанзе. Важное значение, однако, имеют и обстоятельства, уходящие своими корнями в эволюционную историю собственно человека. Произошедшее в Восточной Африке 2,5 млн лет назад иссушение климата поставило предков человека перед необходимостью жить в открытой местности, где для того, чтобы спасаться от хищников и добывать пищу, было необходимо объединяться в коллективы и вести загонную охоту. Возросшая степень социальности, усложнение каменной индустрии, распространение коллективной загонной охоты как раз и явились благоприятной почвой для закрепления и развития у представителей подсемейства гоминин способности к самовосприятию и восприятию себе подобных в качестве носителей сознания. Действительно, репродуктивный успех в увеличивающемся по своим размерам первобытном коллективе напрямую зависел от способности его членов к установлению дружественных связей, что, в свою очередь, требовало развития представления о существовании ментального плана человеческого поведения и, соответственно, способности интерпретировать поведение в терминах внутренних (психических) состояний.

Обратим внимание, что на сегодняшний день существует определенный круг данных, свидетельствующих о генетической закрепленности у человеческого индивида способности связывать человеческое поведение с неким непосредственно ненаблюдаемым внутренним, ментальным планом. В частности, неоднократно отмечался факт, что уже в первые недели своей жизни младенцы ведут себя так, как если бы они «знали», что окружающие их люди тоже обладают сознанием с присущими ему психическими состояниями [14]. Кроме того, были получены данные, свидетельствующие, что когнитивная способность постулировать существование чужого сознания имеет определенный нейрофизиологический базис, и такое расстройство, как аутизм, связано, скорее всего, с повреждением этого базиса [4].

Итак, все вышесказанное дает основания считать, что у такой универсалии, как способность к самовосприятию, действительно имеется определенный эволюционно-биологический, генетический базис. И все же данное обстоятельство вовсе не освобождает от вопроса: можно ли уверенно полагать, что присущая человеку способность к самовосприятию и восприятию других в качестве носителей сознания, приводит всякий раз к одному и тому же, содержательно тождественному в различных культурах понятию «я»? Едва ли. Многочисленные кросс-культурные исследования свидетельствуют, что биологически укорененная способность к самовосприятию и восприятию другого «я» формируется в том числе и под воздействием социокультурной сферы. Так, несмотря на то, что американские и индийские дети при объяснении собственных поступков и поступков других людей апеллируют к психологическим понятием («я», «намерение», «характер» и т. д.), тем не менее, в суждениях американцев просматривается устойчивая тенденция показать зависимость поведения индивида с чертами его характера, а у индийцев – продемонстрировать связь поступка с контекстом его совершения, обстоятельствами места и времени [19].

Показателен и такой факт. Когда европейских и восточноазиатских студентов просили дать краткое самоописание, своего рода «автопортрет», то первые, прежде всего, обращались к описанию черт своего характера («Я – скромный», «Я – любопытный и т. п.), тогда как вторые подчеркивали социальную идентичность («Я – студент»), или определяли свое «я» по отношению к другому «я» («Я – брат») [8; 17]. Наиболее очевидное объяснение подобного факта заключается в различии социальных ориентаций представителей Европы и Восточной Азии. В западноевропейском обществе процессы социализации осуществляются в системе свободно связанных, автономных индивидов-субъектов. В результате доминирующим оказывается взгляд на себя из перспективы независимости,

самодостаточности. В отличие от Европы представители Востока социализируются в гораздо более жесткой сети взаимных обязательств и ролевых отношений, поэтому и восприятие собственного «Я» осуществляется на основе чувства взаимосвязанности и взаимозависимости.

Интересно, что отмеченная разность в самовосприятии представителей западной и восточной культур проявляется и виде когнитивных ориентаций, способов структурирования, упорядочения информации об окружающем мире. Т. Масуда и Р. Нисбетт проводили эксперименты, в которых американцам и японцам демонстрировали фрагменты подводных съемок. Каждая из предлагаемых сцен содержала множество разнообразных явлений – камни, растительность, рыбы и другая морская живность. Среди этого разнообразия был, однако, помещен специальный объект – рыба, которая отличалась от остальных рядом признаков – большим размером, цветом, скоростью передвижения и т. д. Примечательно, что свои ответы на просьбы экспериментаторов описать увиденное, американцы и японцы выстраивали по-разному. Японцы, как правило, начинали с отсылки к контексту как таковому (например: «то, что я видел, напоминало реку»), тогда как американцы сразу же обращались к выделяющемуся из общего фона фокальному объекту. В целом, хотя общее количество суждений японцев и американцев относительно фокального объекта было одинаковым, японцы высказали на 70 % больше суждений, касающихся контекста [18]. Эти и подобные им эксперименты дали основания говорить о существовании «холистской» (применительно к особенностям японского восприятия) и «аналитической» (применительно к особенностям американского восприятия) стратегий переработки информации. Холистская когнитивная стратегия подразумевает ориентацию субъекта на контекст как на то целое, в котором существует, присутствует объект восприятия, мышления. Особое значение придается отношениям между объектом и самим контекстом. Аналитическая стратегия, напротив, ориентирована на отделение объекта от контекста и сфокусирована на категоризации атрибутов самого объекта.

Все сказанное применительно к такой универсалии, как способность к самовосприятию, относится и к другой «культурной универсалии» – способности к оценке окружающей действительности с позиции морали. Так, замечено, что в различных культурах дети самого юного возраста демонстрируют приверженность к тому, что Л. Кольберг назвал «конвенциональным уровнем развития моральной способности суждения». Данный уровень подразумевает как поведение, так и оценивание поведения на основе потребности выглядеть хорошим, как в своих собственных глазах, так и глазах окружающих, а так же то обстоятельство, что, поставив себя на место другого человека, ты желал бы хорошо обхождения с собой. Данная общность объясняется опять же адаптивной полезностью способности организовывать и оценивать поведение из перспективы вопроса: «Что, если бы каждый поступил таким же образом?». Однако применительно и к данному случаю приходиться заметить, что культурное своеобразие сохраняется и накладывает свой отпечаток на моральные суждения и оценки. Как уже говорилось, в странах Востока (Индии, Китае) индивиды рассматривают поведение как явление ситуационно и контекстно-зависимое. В этой связи индийцы чаще, чем американцы, выражают готовность освободить от моральной ответственности индивида, чей поступок был совершен под действием различного рода ситуационных факторов – эмоционального стресса, возраста и т. п. [5; 19].

Наконец, одним из самых важных и эффективных способов проследить взаимодополнительность и взаимозависимость природного и культурного начал в процессе развития человека – это обратиться к рассмотрению тех систем родительской заботы и опеки, в которые вовлечен индивид буквально с самого рождения [13]. Такое явление, как родительская забота, свойственно всем человеческим культурам. При этом, как отмечают исследователи, наблюдается определенное единообразие тех форм, которые приобретает родительская забота по отношению к новорожденному в разных культурах. В самом общем виде родительская забота включает кормление, коммуникацию с целью утешения, успокоения ребенка, обеспечения ему комфорта. Главные фигуры, осуществляющие заботу и уход за ребенком в первые месяцы его жизни – это семья и прежде всего мать, а также близкие родственники. Универсализм систем родительской заботы объясняется их укорененностью в филогенетическом прошлом человека. Данные системы сложились в ходе эволюционной истории человека, в процессе решения им адаптивно-значимых проблем. Стоит иметь в виду, что переход к ортоградной локомоции сказался на анатомических особенностях древнейших гоминид (в частности, привел к сужению таза), что в свою очередь повлияло на процессы беременности, деторождения и заботы о потомстве. Уменьшение срока вынашивания плода требовало повышенного внимания матери к появляющемуся на свет потомству и, в частности, развития навыков коммуникации. Переход к такой системе жизнедеятельности, в которой существенно увеличивался период ухаживания за новорожденным, и как следствие этого возникала необходимость его защиты со стороны представителей мужского пола,

произошел, по оценкам палеоантропологов, ко времени появления на эволюционной арене Homo Ergaster. И, тем не менее, несмотря на универсализм феномена родительской заботы, в разных культурах он имеет свои особенности, что в свою очередь сказывается и на процессах развития человека.

Возьмем в качестве примера такой компонент родительской заботы, как телесный контакт с ребенком. У некоторых народов (например, *аче* в Южной Америке или *ака* в Африке) ребенок проводит на теле матери почти весь день. Подобная близость к матери и другим персонам, осуществляющим уход, усиливает эмоциональные узы, что в свою очередь становится основой развития чувства соотнесенности с другими и принадлежности целому. Экстенсивный телесный контакт, влекущий за собой ощущение эмоционального тепла, появление и закрепление чувства включенности индивида в объемлющее его целое, оказываются благодатной почвой для усвоения норм и ценностей предшествующего поколения и в конечном итоге готовят индивида к жизни на базе идеала гармонии и требований придерживаться своего места в социальной иерархии.

В продолжение сказанного отметим еще один момент. Обычно человеческое тело понимается просто как «сома» – интегральная сумма биофизических, биохимических, то есть собственно биологических процессов. Надо сказать, что подобное понимание тела вовсе недостаточно и нуждается в уточнении. Вспомним, например, известное в медицине явление «фантомного органа». Данное явление заключается в том, что, утратив какой-либо орган, например, руку, больной продолжает иметь опыт ее присутствия. В первое время он даже не замечает увечья и рассчитывает на фантом, как на реальную конечность. В этих случаях медики говорят об анозогнозии, то есть отсутствии у больного критической оценки своего дефекта. Между тем, явление фантомного органа говорит и о другом обстоятельстве. А именно: наряду с объективным телом есть тело феноменальное [3]. Это, строго говоря, то же самое объективное тело, но такое, каким человек его чувствует, ощущает в своем внутреннем опыте, это «образ тела». Важно, что феноменальное тело не является естественной, неизменной данностью. Напротив, феноменальное тело – это продукт окружающего мира человека, оно есть следствие того образа жизнедеятельности, который вошел для человека в привычку. Увечью и дефекту как раз и сопротивляется тело феноменальное, которое продолжает тянуть человека к знакомым и привычным ему движениям, к его жизненному миру.

Если, таким образом, тело – это не просто объект в ряду других объектов, но подобно языку – «форма жизни» (Л. Витгенштейн), то в нем (как и в языке) отложилась и закрепилась история не только индивидуальных, но и коллективных отношений человека к миру. В свете сказанного особое значение приобретает факт, согласно которому различные народы уделяют неодинаковое внимание к телу, телесным контактам. В сообществе охотников-собирателей, где способности и возможности тела, умение им эффективно управлять имеют огромное значение, дети, как правило, демонстрируют раннее моторное развитие. В этом случае способность к самовосприятию, о которой говорилось выше, модифицирована прежде всего в сторону более интенсивного восприятия собственного тела, да и само тело воспринимается скорее в единстве, а не раздельности с окружающим природным миром.

Безусловно, телесное взаимодействие матери и ребенка – это одна из самых очевидных культурно-нагруженных компонент родительской заботы. Существуют, однако, и менее заметные стратегии и механизмы, демонстрирующие ограниченность различного рода биологического детерминизма. Возьмем для примера такое явление, как внимание к новорожденному. В различных культурах внимание, оказываемое младенцу, приобретает различные формы. Так, если в западноевропейской культуре господствующей является модель «сфокусированного внимания», то на Востоке (например, в Индии) или в Африке большее распространение получила модель «распределенного внимания» [13: 226-227.]. Для первой модели характерна концентрация внимания родителя (по преимуществу, матери) исключительно на ребенке, что предполагает индивидуальное, диалогическое взаимодействие, быстрые реакции на просьбы, поведение ребенка. Что касается второй модели, то, как явствует из ее названия, в ней внимание родителя не сцентрировано, а рассредоточено между различными объектами, одним из которых выступает ребенок. При этом последний оказывается объектом внимания главным образом тогда, когда он демонстрирует признаки беспокойства. Одним из важных следствий обозначенных моделей внимания является их причастность к становлению способности к самовосприятию. Действительно, та скорость, с которой родители реагируют на проявления малыша, напрямую связана с развитием в нем чувства защищенности, доверия, безопасности, что в свою очередь является важной основой для возникновения такой психической инстанции как «я». Заметим, что быстрая ответная реакция на действия ребенка культивирует и способность к восприятию темпоральных отношений и, в частности, способность воспринимать события

как взаимосвязанные, взаимообусловленные. На основе данной способности младенец приобретает знание о том, что всякое действие, поведение имеет свои результаты, последствия и учится воспринимать себя в качестве «каузального агента», деятеля. В целом модель сфокусированного внимания предоставляет ребенку больше шансов почувствовать себя индивидуальным, неповторимым существом, тогда как модель распределенного внимания формирует «я» как часть коллективного целого, элемент в сети взаимосвязей и взаимоотношений.

ВЫВОДЫ

Обобщая теперь сказанное, подведем итоги. Главный вывод, который напрашивается из вышеизложенного, заключается в том, что факторы, конституирующие человеческое существование и направляющие его развитие, принадлежат не какой-либо одной сфере – будь то природа или культура – но обеим сферам одновременно. Именно во взаимодействии этих сфер – природы и культуры – как раз и происходит становление и развитие человеческого бытия. Было бы искусственным и неоправданным разделение природного и культурного начал в человеке для того, чтобы оценить и измерить вклад и активность одного начала в отрыве от вклада и активности другого начала. В самом деле, подчеркнем еще раз: сегодня уже не приходится сомневаться в том, что функционирование человеческой психики находится под генетическим контролем. Психогенетика, психобиология, генетика поведения – каждое из этих направлений вносит свой вклад в подтверждение данного обстоятельства. Однако, как мы старались показать, функционирование генов само зависит от наследуемых, но негенетических факторов, а также факторов «внешних» (социальных, культурных) для человеческого организма. В этой связи природа и культура вовлечены в конструктивное взаимодействие, а человеческое бытие есть поэтому одновременно и результат, и процесс этого взаимодействия.

Ограниченность «компьютерных» метафор типа «генетические программы», «инструкции», «коды» состоит в том, что они часто мешают понять и увидеть сложное устройство человеческого бытия. Подобные метафоры навязывают некий механический, линейный детерминизм там, где на самом деле имеет место синергетическая причинность с ее системными эффектами. Речь идет о том, что специфика человеческого бытия заключена в его целостности, и составные части (слагаемые) этого целого приобретают свои свойства только во взаимодействии и взаимовлиянии.

Рассмотрение человеческого бытия в его становлении и развитии позволяет увидеть крайности генетического (биологического) и культурного детерминизма. В самом деле, уходящие в филогенетическое прошлое человека и имеющие генетическую подоснову «культурные универсалии» (например, способность к самовосприятию) препятствуют релятивизации человеческого бытия, противостоят раздроблению его на изолированные, замкнутые в себе монады. В то же время «культурные универсалии» не растворяют человека в пределах биологического вида «Homo sapiens». Как мы видели, подобные «культурные универсалии» имеют свои локальные нюансы и оттенки. Отсюда, как нам представляется, возникает еще одна важная мысль, а именно: человеческое бытие представляет *со-бытие* – совместное существование и взаимодействие не только природы и культуры, но в том числе и различных культур, традиций. При этом вполне возможно, что данная «со-бытийность» только потому и имеет место, что человек не принадлежит всецело ни миру природы, ни миру культуры (социума), а являет собой «переходное», «пограничное» существо. Рождаясь и воспитываясь в рамках определенного социума, культуры, человек, однако, не теряет возможность быть открытым и для другой культуры, социума. Для того, чтобы эта возможность реализовалась, требуется претерпеть «становление-себе-иным», или, как говорил М. Мамардашвили, «родиться заново». Такое «заново-рождение» собственно и делает из человеческого бытия *событие* – человек поворачивается к себе ранее неизвестной ему стороной и тем самым открывается и для Другого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Докинз Р. Расширенный фенотип: длинная рука гена / Р. Докинз. – М.: Астрель: Corpus, 2010. – 512 с.

2. Меркулов И. П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход) / И. П. Меркулов. – СПб.: Изд-во РХГА, 2006. – 416 с.

3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб.: Ювента, наука, 1999. – 603 с.

4. Baron-Cohen S. Mindblindness: An Essay on Autism and Theory of Mind / S. Baron-Cohen. – Cambridge, MH : MIT Press, 1995. – 197 p.

5. Bersoff, D. M. Culture, context, and the development of moral accountability judgments / D. M. Bersoff, J. G. Miller // Developmental Psychology. – 1993. – Vol. 29. – P. 664–676.

6. Brown D. Human Universals / D. Brown. – New York : McGraw-Hill, 1991. – 220 p.

7. Chorney M. J. A quantitative trait locus (QTL) associated with cognitive ability in children / M. J. Chorney // Psychological Science. – 1998. – Vol. 9. – P. 159–166.

8. Cousins S. D. Culture and self-perception in Japan and the United States / S. D. Cousins // Journal of Personality and Social Psychology. – 1989. – Vol. 56. – P. 124–131.

9. Flint J. The genetic basis of cognition / J. Flint // Brain. – 1999. – Vol. 122. – P. 2015–2031.

10. Frandiskasis J. M. LIM-Kinase-1 hemizygosity implicated in impaired visuospatial constructive cognition / J. M. Frandiskasis, A. K. Ewart, C. A Morris // Cell. – 1996. – Vol. 86. – P. 59–69.

11. Gray J. R. Neurobiology of intelligence: science and ethics / J. R. Gray, P. M. Thompson // Nature Reviews Neuroscience. – 2004. – Vol. 5. – P. 471–482.

12. Jackendoff R. S. Consciousness and the Computational Mind / R. S. Jackendoff. – Cambridge: MIT Press, 1987. – 376 p.

13. Keller H. Development as the interface between biology and culture. A conceptualization of early ontogenetic experiences / H. Keller // Between Culture and Biology: perspectives on ontogenetic development / H. Keller (ed.). – NY, USA: Cambridge University Press, 2002. – P. 215–240.

14. Leslie A. Pretending and believing: issues in the theory of ToMM / A. Leslie // Cognition. 1994. – Vol. 50. – P. 211–238.

15. Lickliter R. The Fallacy of Partitioning: Epigenetics' Validation of the Organism-Environment System / R. Lickliter // Ecological Psychology. – 2009. –Vol. 21. – P. 138–146.

16. Lumsden C. J. Promethean Fire: Reflections on the Origin of Mind / C. J. Lumsden, E. O. Wilson. – Cambridge: Harvard University Press, 1983. – 216 p.

17. Markus H. R. Selfways: Diversity in modes of cultural participation / H. R. Markus, P. R. Mullally, S. Kitayama // The conceptual self in context / U. Neisser, D. Jopling (Eds.). – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – P. 13–61.

18. Masuda T. Attending holistically versus analytically: Comparing the context sensitivity of Japanese and Americans / T. Masuda, R. E. Nisbett // Journal of Personality and Social Psychology. – 2001. – Vol. 81. – P. 922–934.

19. Miller J. G. Cultural influences on the development of conceptual differentiation in person description / J. G. Miller // British Journal of Developmental Psychology. – 1987. – Vol. 5 (4). – P. 309–319.

20. Thompson P. M. Genetic influences on brain structure / P. M. Thompson // Nature Neuroscience. – 2001. – Vol. 4. – P. 1253–1258.

21. Whitelaw N. How lifetimes shape epigenotype within and across generations / N. Whitelaw, E. Whitelaw // Human Molecular Genetics. – 2006. – Vol. 15. – P. 131–137.

REFERENCES

1. Dokinz R. The Extended Phenotype: The Long Reach of the Gene. Moscow, 2010. 512 p. (In Russ.)

2. Merkulov I. P. Epistemology (cognitive and evolutionary approach). Saint Petersburg, 2006. 416 p. (In Russ.)

3. Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception. Saint Petersburg, 1999. 603 p. (In Russ.)

4. Baron-Cohen S. Mindblindness: An Essay on Autism and Theory of Mind / S. Baron-Cohen. – Cambridge, MH : MIT Press, 1995. – 197 p.

5. Bersoff, D. M. Culture, context, and the development of moral accountability judgments / D. M. Bersoff, J. G. Miller // Developmental Psychology. – 1993. – Vol. 29. – P. 664–676.

6. Brown D. Human Universals / D. Brown. – New York : McGraw-Hill, 1991. – 220 p.

7. Chorney M. J. A quantitative trait locus (QTL) associated with cognitive ability in children / M. J. Chorney // Psychological Science. – 1998. – Vol. 9. – P. 159–166.

8. Cousins S. D. Culture and self-perception in Japan and the United States / S. D. Cousins // Journal of Personality and Social Psychology. – 1989. – Vol. 56. – P. 124–131.

9. Flint J. The genetic basis of cognition / J. Flint // Brain. – 1999. – Vol. 122. – P. 2015–2031.

10. Frandiskasis J. M. LIM-Kinase-1 hemizygosity implicated in impaired visuospatial constructive cognition / J. M. Frandiskasis, A. K. Ewart, C. A Morris // Cell. – 1996. – Vol. 86. – P. 59–69.

11. Gray J. R. Neurobiology of intelligence: science and ethics / J. R. Gray, P. M. Thompson // Nature Reviews Neuroscience. – 2004. – Vol. 5. – P. 471–482.

12. Jackendoff R. S. Consciousness and the Computational Mind / R. S. Jackendoff. – Cambridge: MIT Press, 1987. – 376 p.

13. Keller H. Development as the interface between biology and culture. A conceptualization of early ontogenetic experiences / H. Keller // Between Culture and Biology: perspectives on ontogenetic development / H. Keller (ed.). – NY, USA: Cambridge University Press, 2002. – P. 215–240.

14. Leslie A. Pretending and believing: issues in the theory of ToMM / A. Leslie // Cognition. 1994. – Vol. 50. – P. 211–238.

15. Lickliter R. The Fallacy of Partitioning: Epigenetics' Validation of the Organism-Environment System / R. Lickliter // Ecological Psychology. – 2009. –Vol. 21. – P. 138–146.

16. Lumsden C. J. Promethean Fire: Reflections on the Origin of Mind / C. J. Lumsden, E. O. Wilson. – Cambridge: Harvard University Press, 1983. – 216 p.

17. Markus H. R. Selfways: Diversity in modes of cultural participation / H. R. Markus, P. R. Mullally, S. Kitayama // The conceptual self in context / U. Neisser, D. Jopling (Eds.). – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – P. 13–61.

18. Masuda T. Attending holistically versus analytically: Comparing the context sensitivity of Japanese and Americans / T. Masuda, R. E. Nisbett // Journal of Personality and Social Psychology. – 2001. – Vol. 81. – P. 922–934.

19. Miller J. G. Cultural influences on the development of conceptual differentiation in person description / J. G. Miller // British Journal of Developmental Psychology. – 1987. – Vol. 5 (4). – P. 309–319.

20. Thompson P. M. Genetic influences on brain structure / P. M. Thompson // Nature Neuroscience. – 2001. – Vol. 4. – P. 1253–1258.

21. Whitelaw N. How lifetimes shape epigenotype within and across generations / N. Whitelaw, E. Whitelaw // Human Molecular Genetics. – 2006. – Vol. 15. – P. 131–137.

HUMAN: BEING BETWEEN NATURE AND CULTURE

VOLKOV Alexey

PhD in Philosophy,
Head of Philosophy and Culture studies Department,
Petrozavodsk State University, Department of Philosophy and Culture studies,
Petrozavodsk, Russian Federation, philos@petrsu.ru

Keywords:
human being
nature
culture
genes
development
evolution

Summary:
The article investigates some issues connected with comprehending the specific features of human existence. The author uses genetic and cross-cultural studies to show that human development is affected by both genetic and sociocultural factors. The author believes that the conception of human existence that takes into account mutual influence and complementarity of genetic and cultural origins in human beings is justified not only in theory, but also in practice, since it responds to the need for harmonization of relations between people and their environment.